

НИКОЛАЙ БУРОВ: «ОПАСАЮСЬ ТОЛЬКО ОДНОГО...»

Директора Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Н.В. Бурова, слушать насколько увлекательно, настолько же и приятно. Что вы хотите, великий актер...В то же время, чувствуется, что дело, которому сегодня служит Николай Витальевич для мастера много больше, чем любая сыгранная роль — скорее миссия. Музейное хозяйство ему досталось в 2008 году после внезапного ухода из жизни Николая Нагорского. Буров признается, что отважился на новый поворот в своей биографии, поддавшись, главным образом, уговорам Ивана Саутова. Перед тем, как возглавить музей тогда еще «трех соборов», Нагорский полтора десятка лет оттрубил заместителем директора ГМЗ «Царское Село». Двух этих ныне покойных людей связывала не только работа, но и тесная дружба. Вот и говорить о дне сегодняшнем ГМП «Исаакиевский собор» без экскурса в прошлое, как уверен Буров, было бы несправедливо:

—...Николай Викторович Нагорский, уже в годы профессиональной зрелости блестяще защитив кандидатскую, а затем и докторскую на музейно-исследовательские темы, по первому образованию был выпускником «корабелки» — то есть не чуждым технического мышления гуманитарием. При этом директоре удалось совершить особенно мощный рывок в инженерии и комплексном развитии инфраструктуры музейных объектов. На посту председателя городского Комитета по культуре мне как раз довелось курировать все эти процессы, в том числе и начальные этапы модернизации Смольного собора в современный концертно-выставочный комплекс.

Будучи умелым и опытным хозяйственником, Нагорский пришел в музей, когда в экономическом отношении здесь уже существовала абсолютная «автономия». Ее достижение относится к числу многих выдающихся заслуг предыдущего руководителя — Г. П. Бутикова. Подумать только, даже сейчас в стране не существует ни одного музейного заведения, способного обходиться без госдотаций, тогда как у нас механизм полного самофинансирования был запущен аж в конце восьмидесятых и до сегодняшнего дня ни разу не дал сбоев. Георгий Петрович, человек фронтального поколения, обладал и удивительной настойчивостью, которая сочеталась с редким профессиональным честолюбием, а в нужные моменты могла перерасти в самоотверженность. Скажем, приняв музей 6-й категории на правах филиала ГМИ Ленинграда, он вернул учреждению самостоятельный статус с выводом сразу на 1-ю категорию по общесоюзной классификации.

Вспоминается и как отчаянно Бутиков защищал Спас на крови, не убоившись пойти поперек линии бюро обкома КПСС, где всерьез рассматривались предложения взорвать храм, и как потом добивался его перевода «под крыло» Исаакия. Кто бы мог тогда предположить, что чудом сохраненный памятник станет «объектом №1» туристического интереса в России. С тем же завидным упорством он впоследствии боролся и за судьбу Сампсониевского собора...

Уж извините, но всегда готов подолгу рассказывать обо всех своих предшественниках: о тех, кого только что назвал поименно, и о директорах тридцатых, сороковых, пятидесятых, начала шестидесятых годов, стараниями которых комплекс начинал формироваться, в блокадную пору послужил великую службу городу по спасению музейных сокровищ, а потом и сам восстанавливался после войны. На примере четырех соборов можно обстоятельно, с самыми предметными иллюстрациями исследовать 70-летнюю историю ленинградской-петербургской реставрационной школы. Потому, отдавая должное первым лицам, грешно забывать о наших хранителях и реставраторах. Сегодня их уникальный цех живет во многом благодаря огромному уважению, с которым к нему относились всегда. Пусть даже ввиду дефицита с притоком свежих сил из системы специального образования развивать это направление становится все сложнее. Руководство музеем уже восьмой год и опасаясь только одного: прослыть директором, при котором вслед за двумя великими собирателями началось разорение музея.

— Вы упомянули о финансовой независимости. А как же неизбежные материальные трудности культурной сферы, которые то и дело усугубляются экономическими кризисами различной продолжительности и глубины?

— Статистика посещений у нас считается по годам и постоянно растет. В 2013-м «Музей четырех соборов» впервые за свою историю перешагнул их трехмиллионную отметку. Перед самым Новым годом, приехав сюда с родителями, девочка из Вятки стала посетительницей с билетом под таким порядковым номером и покидала Петербург с нашим подарком в память об этом событии. Многие предрекали неутешительные итоги прошлому году, но и он закончился с приростом — 3 млн. 200 тыс. гостей. Нет пока поводов сомневаться, что за 2015-й народа в соборах побывает еще больше. Смотрите, за окном сентябрь, а зарегистрирован уже их трехмиллионный посетитель. Памятный приз теперь вручим тому, чей билет электронные счетчики отметят под № 3333333. Произойти это должно где-то в первой декаде декабря.

Там, глядишь, и до 3,5 млн. останется рукой подать. Итоговые сборы от нашей уставной деятельности в таком случае будут выражаться суммой более 700 млн. руб. Конечно, оба этих показателя просто так не растут, и второй, то есть вся доходная часть нашего баланса, при неизменной цене билетов находится в прямой зависимости от первого. Чтобы привлекать к себе людей, мы используем разные инструменты, включая тот же рекламный потенциал сувенирной и книжной торговли, которую по возможности постарались избавить от посредников. На пользу делу идет и схема взаимодействия между музеями-храмами, подчиненная единому плану, когда двумя объектами-«донорами» — Исаакием и Спасом — обеспечивается как собственное существование, так и все необходимое для двух «реципиентов» — Сампсония и Смольного.

— Прибыль направляется и на реставрацию?

— В первую очередь. К примеру, мы вот-вот завершим крупнейшие проекты, которые длились ряд лет — в их числе реставрационный ремонт «кангельской» балюстрады Исаакиевского собора. Раз уж о технологической специфике данной уникальной работы у вас в журнале рассказывалось, не вижу смысла на ее счет повторяться. Отмечу лишь, что, по первоначальным оценкам, нам на все отводили 12 лет при четвертьмиллиардной смете. Музей управляется с этой задачей втрое быстрее и в два раза дешевле, сэкономив тем самым силы и средства на восстановление других своих объектов.

— Коллектив у вас большой?

— Четыреста с лишним человек! Это в среднем, а так, численность колеблется в зависимости от сезона. В музее трудятся очень интересные, уникальные в своем роде специалисты разных сфер, порой посвятившие целые жизни избранному делу. Правда, вне зависимости от стажа и должности практически каждому приходится постоянно работать над собой. Даже с функциями охранника у нас под силу справиться, только владея хотя бы азами общения по-английски и элементарными знаниями в области социальной психологии. Тем же хранителям, которые в дополнение к своим традиционным обязанностям сейчас занимаются электронной каталогизацией и оцифровкой фондов, необходимо быть на «ты» с новейшим оборудованием и программным обеспечением. Какие-то клишеированные заготовки, из года в год повторяющиеся в экскурсоводческих текстах, тоже не поощряются, поэтому все методисты находятся в неустанным творческом поиске.

Просветительская и исследовательская деятельность, сотрудничество с Русской Православной Церковью, международные связи и т. д. — все это движется в поступательной динамике и, заметьте, усилиями вполне конкретных людей. Школьный отдел, кроме разработки образовательных проектов, готовит программы, специально адаптированные к экскурсионному обслуживанию людей с ограниченными возможностями — например, «Увидеть храм своими руками» для инвалидов по зрению. Кстати, мы первыми из петербургских музеев оборудовали у себя лифт для посетителей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Или, вроде бы, такая утилитарная забота хозотдела, как уборка залов. Зачастую наши объекты пропускают через себя человеческий поток, сравнимый со станциями метро в часы пик — проза жизни, а ведь и она сегодня немислима без инноваций.

Мы не только сохраняем Историю, но и пишем ее новые страницы для грядущих поколений. Только развиваясь, такой особенный музей, как наш, может сохранить себя частью национального и мирового культурного достояния.

«МУЗЕЙ ЧЕТЫРЕХ СОБОРОВ»: ИСТОРИЯ В ОБЪЕКТАХ И ЛИЦАХ

В музейном пространстве Северной столицы Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» по праву занимает одно из ведущих мест. Таким положением он обязан и числу посетителей (более 3 млн. в год), и уникальности собранных воедино шедевров культового зодчества, которые поэтапно отражают период его развития в Санкт-Петербурге с петровских времен до начала XX века. И все же, в первую очередь, это результат ежедневной кропотливой работы всего коллектива музея-памятника, направленной на сохранение выдающихся свидетельств важнейших исторических событий в жизни России.

Решение Исполкома Ленгорсовета о создании музея в Исаакии датируется мартом 1926 года. Одновременно была образована Комиссия по организации будущего учреждения, целью которого виделась именно в том, чтобы «вскрыть значение Исаакиевского собора, замечательного документа определенного этапа русской истории». Впрочем, сам процесс подготовки здания к предстоящему функциональному использованию начался еще за три месяца до этих событий, сразу после того, как его смотровую площадку передали в ведение Ленинградских государственных реставрационных мастерских. За сравнительно небольшой срок сотрудники ЛГРМ, входивших в структуру Главнауки, успели немало сделать для решения этой сложной задачи. Тогдашний руководитель коллектива А. П. Удаленков твердо придерживался позиции, что «ремонт и поддержание таких художественно-исторических архитектурных памятников мирового значения, как Исаакиевский и Смольный соборы, должны быть только государству». В тесном контакте с архитектором-хранителем Н. П. Никитиным он лично участвовал во всех организационных хлопотах. Однако связанные с ними затраты со временем становились все обременительнее для деятельности мастерских. Поэтому уже в 1928 г. по решению ВЦИК собор был национализирован и передан в непосредственное

подчинение Главному управлению научными и научно-художественными учреждениями.

Расположить здесь постоянную экспозицию, посвященную истории создания и художественным особенностям памятника, мыслилось изначально. Правда, имевшейся в самом соборе не большой коллекции гравюр для этого было явно недостаточно, потому в период с 1928–29 гг. сюда мощным потоком начали стекаться экспонаты, которые и стали впоследствии основой фондов музея. Так, ЦГИА Ленинграда и библиотека института железнодорожного транспорта передали множество подлинных чертежей, относящихся к проектированию и строительству Исаакия. Кроме того, музей ЛИИЖТа предоставил две модели: лесов для установки колонн портиков и разреза купола. Из Академии художеств были получены мозаики «Вознесение Христа» и «Рождение Богородицы», а также мраморный бюст архитектора Огюста Монферрана.

На одном из этапов подготовки к выставке «История строительства Исаакиевского собора. Из новых поступлений» подключился Союз воинствующих безбожников СССР. Хотя решающей организационной роли он не сыграл, 12 апреля 1931 года демонстрацией опыта с маятником Фуко официально здесь открылся не какой-то там еще, а именно Государственный Антирелигиозный музей, сокращенно — ГАМ. Только спустя шесть лет, когда новому просветительско-

исследовательскому учреждению был присвоен статус памятника, объектом показа и предметом изучения стал сам собор как художественный и исторический феномен, под сводами которого находились более 150 ценных живописных полотен, а также свыше 300 произведений скульптуры и мозаики.

Тяжелые годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда музей пережил вместе со всей страной. Как раз сюда были перевезены тысячи уникальных предметов, которые

Авангардный атеизм 1930-х: пригласительная афиша Государственного Антирелигиозного музея в здании Исаакиевского собора

